

От количественного к семантическому анализу: диахронические изменения в употреблении конструкций с дативным субъектом

Анастасия Бонч-Осмоловская

В докладе рассматриваются диахронические данные, полученные из НКРЯ, описывающие поведение восьми предикатов (нужно, приятно, полезно, страшно и др.), а именно то, как часто на протяжении двух веков они встречаются с выраженным дативным субъектом, как часто с предложной группой, которой управляет предлог для, а как часто вообще без выраженного субъекта. Такие данные собираются для набора морфологических форм каждого предиката. С помощью количественного анализа удастся выделить основные кластеры форм и проследить динамику изменения их употребления. В докладе показывается, что основные тренды в изменениях употреблений конструкций связаны с распадением двух экспериментальных значений.

Ambiguity in Russian Verbal Prefixation System: From Lexical Semantics to Probabilistic Pragmatic Modelling

Юлия Зинова (Heinrich-Heine University, Düsseldorf)

Traditionally, one of the usages of the prefix *po-* (often called delimitative or attenuative) is associated with some characteristic of an event being lower than the expected value: an event lasting for a short period of time, a small quantity of the theme consumed, etc. Although the observations about the low degree on some scale, associated with the discussed usage of the prefix *po-*, are commonly accepted and seem to be well established, numerous corpora examples do not support it, e.g. because the same verbs are modified by adverbials denoting a high degree.

In this talk I show how a combination of underspecified semantics and probabilistic pragmatic modelling can serve to explain intuitions about the delimitative nature of the prefix *po-* and at the same time account for the cases that seem exceptional from the traditional perspective. I provide formal semantic representations (in Frame Semantics as formalized by Kallmeyer and Osswald 2013) of various prefixed verbs and pass them to a three-layered Rational Speech Act model (RSA, Goodman and Frank 2016) using WebPPL. As a result, I obtain predictions that align with the traditional view (e.g., it is very likely that an event that is referred to by a *po*-prefixed verb is not a maximal event), but are more flexible, as the literal semantics remains underspecified and inferences can be cancelled or do not arise at all in certain contexts.

Полисемия в словаре, корпусе и ментальном лексиконе

Валентина Апресян и Анастасия Лопухина

В докладе будет обсуждаться исследование полисемии, проведенное группой лингвистов из ИРЯ РАН и НИУ ВШЭ. Оно объединяет теоретический (и лексикографический) аспект, корпусную статистику и эксперимент. В теоретической части главной темой исследования были семантические переносы при полисемии, помимо всем известных метафоры и метонимии. Мы выделили более десятка разных типов переносов и описали, для каких семантических классов они характерны. Наше корпусное исследование касается частотных распределений разных значений внутри многозначных слов. Наша изначальная гипотеза предполагала, что в большинстве случаев исходное (производящее) значение является одновременно и самым частотным. Это оказалось не совсем так, причем для разных частей речи обнаружили разные тенденции. Мы расскажем о наших предположениях относительно причин, по которым переносные значения могут "вытеснять" исходные у разных частей речи. Наконец, в экспериментальной части ставилась задача определения семантической близости между переносным значением и исходным при разных типах семантического переноса (мы рассмотрели в этом аспекте метафору и метонимию). Тут подтвердилась наша изначальная гипотеза - метонимия - это более близкий тип семантического отношения. Однако полученные нами данные по прилагательным заставили нас пересмотреть некоторые наши экспериментальные установки и стимульный материал. Мы расскажем о планируемом эксперименте, в котором на материале прилагательных хотим провести более тщательное разграничение разных типов метонимии и метафоры.

Восприятие некоторых сегментных маркеров словесных границ носителями русского языка

Павел Дурягин

В докладе будут представлены результаты двух фонетических экспериментов, посвященных тому, как носители русского языка воспринимают сигналы о границе фонетических слов, содержащиеся на сегментном уровне звучащей речи.

Материалом для первого исследования послужили сочетания, образующиеся в результате ассимиляции мягких сибилянтов («свистящий» + «шипящий») по месту образования на стыках слов. Были обнаружены последовательные различия в длительности согласных в указанной позиции, после чего в ходе перцептивного эксперимента было проверено, могут ли носители СРЛЯ использовать их для определения места границы фонетических слов.

Во втором эксперименте проверялась гипотеза о том, что носители литературного произношения способны использовать для сегментации качественные и количественные различия между безударными гласными первой степени редукции (первый предударный слог, [a]) и второй степени редукции (прочие безударные слоги, [ɤ]). Участникам перцептивного эксперимента предлагались для сегментации последовательности из пяти слогов (два из них – ударные), в которых акустические свойства безударного гласного третьего по счету слога, предположительно, содержали информацию о принадлежности этого слога предшествующему либо последующему фонетическому слову.

HEADSHAKES IN JESPERSEN'S CYCLE

Роланд Пфау (Университет Амстердама)

Sign languages (SLs), systematically make use of two types of negative markers: manual signs and non-manual markers (most importantly, a headshake). However, unlike spoken languages which employ two negators (e.g. French), both negative expressions are grammaticalized gestures and can combine simultaneously. In addition, it has been shown that the way in which these markers combine is subject to SL-specific constraints.

In this presentation, we offer some speculations about the emergence and change of negation systems in SLs. We argue that the genesis of negation in SLs follows Jespersen's Cycle (JC, Jespersen 1917) according to which "[t]he original negative adverb is first weakened, then found insufficient and therefore strengthened, generally through some additional word, and this in turn may be felt as the negative proper and [...] be subject to the same development as the original word."

We suggest the following scenario: Given that manual gestures commonly lexicalize in SLs (Wilcox 2007), we assume that first, a manual negative gesture is lexicalized as a negative adverbial (NEGadv); as such, it adjoins to VP. Second, once this adverbial is accompanied sufficiently frequently by the gestural headshake, the headshake is reanalyzed as a lexical non-manual component of NEGadv. At this point, we reach a manual dominant negation system, i.e. a system in which (i) NEGadv is obligatory and (ii) the non-manual only accompanies NEGadv (Zeshan 2004). Third, NEGadv is reanalyzed as a negative particle NEG that is merged in SpecNegP. Having entered the functional domain, the non-manual may dissociate from NEG and turn into a negative affix merged in Neg° (Pfau & Quer 2007; Pfau 2016). In a final step, NEG becomes optional, yielding a non-manual dominant negation system, and may eventually disappear.

This scenario predicts that in SLs, JC starts with a lexicalized manual gesture. Only in a second step, the non-manual gesture enters the grammatical system. Since SLs prefer simultaneous morphology and only rarely develop manual affixes (Aronoff et al. 2005), it is the non-manual that survives JC while NEG becomes optional. Hence, SLs follow JC in a modality-specific way.

UNCOMMON OR RARE? A TYPOLOGICAL STUDY OF LEXICAL VS. MORPHOLOGICALLY NEGATED ANTONYMS

Maria Koptjevskaja Tamm (Stockholm University), Matti Miestamo (University of Helsinki) & Carl Börstell (Stockholm University)

Antonymy is a semantic relation well-known in linguistic literature (see e.g. Horn 1989). It may be realized by different lexical items (good vs. bad) or by items that are related to each other derivationally, e.g. by morphological negation (happy vs. un-happy). The two types – lexical and morphological antonyms – may, however, co-occur within the same "antonym set". For such overlapping cases, the different types may be associated with different semantics and/or

connotations (e.g. unwise vs. stupid as the antonym of wise). To date, cross-linguistic studies on derivational negation have been limited in scope (cf. Zimmer 1964); our current study is the first systematic typological survey on lexical vs. derived antonymy.

We have designed a questionnaire containing 41 antonym pairs representative of different types of property concepts, e.g. the different adjective classes identified in (Dixon & Aikhenvald 2004): core (e.g. DIMENSION, AGE); peripheral (e.g. PHYSICAL PROPERTY, SPEED); and other (e.g. DIFFICULTY, SIMILARITY). Experts of languages from different families and geographical areas have filled in the questionnaire, providing the corresponding property words and examples in their respective language of expertise. Currently, our database contains information on 46 languages from different families and geographical areas.

A variety of research questions can be addressed on the basis of these data. In this talk, we focus on the distribution of lexical vs. derivational expression of antonymy:

- a) Which types of property words are typically targeted by derivational vs. lexical antonymy, and why?
- b) How prominent is derivational vs. lexical expression of antonymy across the individual languages in our sample?

Our preliminary results show that there is a great deal of variation as to which property words are targeted by derivational antonym-formation through morphological negation (i.e. happy → unhappy) and which ones are expressed lexically. The 41 antonym pairs can be ranked by the proportion of languages that make use of a morphologically negated (i.e. derived) form for each pair. Three meanings ('important', 'possible', and 'happy') exhibit morphological negation in the majority of the sample languages. Two pairs – 'black vs. white' and 'right vs. left' – do not have morphologically negated forms in any language in our sample. One generalization we can already make is that concrete physical properties favour lexical expression whereas derivational antonymy is more common with abstract (epistemo)logical relations. We also observe that our sampled languages differ as to how prominent derivational vs. lexical expression of antonymy is in the language. While Lithuanian and Russian are able to use morphological negation for the majority of the meanings in the list, other languages (Amharic, Indonesian, and Yucatec Maya) do not make use of this strategy at all. Note that the figures for derivational expression and lexical expression are not a simple mirror image of each other, since both types are sometimes found in the expression of one and the same antonym pair in a given language.

In our research we will examine a wide variety of factors that can influence the distribution of derivational vs. lexical antonymy across types of property concepts on the one hand and across languages on the other.

References

Dixon, R. M. W. & Alexandra Y. Aikhenvald. 2004. Adjective classes: A cross-linguistic typology. Oxford: OUP. Horn, Laurence R. 1989. A natural history of negation. Chicago: University of Chicago Press. Zimmer, Karl E. 1964. Affixal negation in English and other languages: An investigation of restricted productivity. New York, NY: The Linguistic Circle of New York.

Количественный метод анализа грамматических и синтаксических различий между языками

Эдуард Клышинский

Каждый серьезно занимавшийся английским языком знает, что порядок слов в нем более строг, чем в русском, а слова с легкостью меняют часть речи. В докладе будет рассмотрено распределение статистики слов по типам омонимии для некоторых европейских языков. Помимо этого, на материале открытых корпусов будет проведено сравнение особенностей синтаксического ветвления ряда мировых языков. В заключении будет показано, как можно применить знание о подобных отличиях к решению одной практической задачи.

К типологии исчерпывающего фокуса: горномарийская частица -ок

Алексей Козлов

В современных исследованиях по информационной структуре часто используется понятие исчерпывающего (exhaustive), или идентификационного (identificational) фокуса. Считается, что такой фокус маркируют, например, английская клефтовая конструкция или венгерская предлагольная позиция для составляющей. Исчерпывающий фокус сообщает изумлённому слушателю, что кроме данной фокусной альтернативы ни одна не является истинной --- если верно, что *It was Banquo that Macbeth killed*, то, по-видимому, предполагается, что Макбет никого другого не убивал --- может быть, не вообще, а из контекстно заданного множества шотландских аристократов. Ближайший аналог английской клефтовой конструкции в русском языке --- частица именно: Макбет убил именно Банко.

Доклад посвящён семантике горномарийской фокусной частицы =ок. По-видимому, эта частица тоже маркирует исчерпывающий фокус -- чаще всего она переводится на русский как 'именно'. С другой стороны, она во многом отличается от садовой разновидности исчерпывающе-фокусных конструкций --- например, отлично присоединяется к кванторным именным группам, а иногда и вовсе переводится как 'прямо' или 'опять'. В докладе будут намечены некоторые способы описания значения этой частицы.

Одушевлённость: семантические основания, морфологические проявления, синтаксические ограничения

Александр Летучий

В русском языке одушевлённость является морфологической категорией: различаются «одушевлённый» и «неодушевлённый» варианты аккузатива (Я увидел слона, но Я увидел стол). Часто в центре рассмотрения при анализе одушевлённости находятся морфология (типы склонения, где наблюдается различие) и семантика (соотношение морфологической одушевлённости с семантической).

В докладе будет показано, что с одушевлённостью связаны и интересные синтаксические ограничения и противопоставления. Они не сводятся только к согласованию прилагательных с существительными по одушевлённости, которое изучалось, например, Н.А. Еськовой и И.Б. Иткиным – аналогичные явления наблюдаются в сочетаниях нескольких существительных или местоимений. Это ясно и из текстового материала, и из результатов проведённых опросов.

Так, материал Интернета показывает, что при переспросе, касающемся референта анафорического местоимения его, легко употребляется местоимение кого (- А ты его спрашивал? – Кого «его»?). Однако местоимение что звучит хуже и используется в этих контекстах реже (- А ты его купил? – Что «его»?).

Опросы показывают, что сочетания неодушевлённых имён собственных (например, названий команд: «Спартак», «Зенит») с одушевлёнными функциональными именами (лидер, чемпион, финалист) в некоторых случаях звучат сомнительно (?Он перешёл в «Спартак» - лидера / лидер первенства). При этом модификация контекста улучшает оценки (ср. Он перешёл в «Спартак» - один из лидеров первенства).

В связи с этими данными будут поставлены такие вопросы: 1) Можно ли свести наблюдаемые синтаксические ограничения к одному общему? 2) Являются ли эти ограничения строгими правилами, обусловленными структурно, или это тенденции, в которых существенную роль играет прагматика? 3) Почему модификации контекста, например, добавление кванторной группы один из, могут изменять приемлемость предложений? 4) Какие ещё эксперименты целесообразно провести в области одушевлённости?

Зачем языку темпоральные конструкции?

Никита Муравьев

Типология средств межклаузуальной связи (англ. clause-linkage) является одним из трендов последних десятилетий в области лингвистической типологии. В фокусе исследований оказывается преимущественно синтаксическое многообразие стратегий, проблематика финитности и грамматикализации, но отдельные работы затрагивают также семантическую сторону вопроса, как, к примеру, сборник [Dixon & Aikhenvald 2009] по семантике межклаузуальной связи и коллективная монография [Храковский 2009] по типологии таксисных конструкций. Однако эти и другие семантические исследования, сталкиваясь с огромным разнообразием обстоятельственных конструкций даже в рамках отдельно взятого языка, оказываются неспособны предложить адекватную модель, которая бы описывала все релевантные семантические различия между конструкциями и обосновывала наличие наблюдаемого разнообразия в более широком контексте языкового функционирования.

В этом докладе предлагается анализ темпоральных деепричастных конструкций, которые изучались автором в рамках диссертации по типологии таксисных форм на материале финно-угорских языков (коми-зырянского, мокшанского, горномарийского и западнохантыйского), собранном в ходе полевой работы методом эликации, с дополнительным привлечением текстовых данных. Исследуемые конструкции обнаруживают общие закономерности не только в области темпоральных значений и традиционно изучаемых синтаксических и референциальных параметров варьирования, но и с точки зрения дискурсивно-прагматических свойств, таких как статус активации зависимой ситуации (данная vs. новая), а также ее уровня (глобальная vs. локальная), дискурсивной функции (задающая время vs. оперирующая в рамках заданного времени) и других, внимание к которым дает возможность ставить глобальный

Deriving the restrictions on the expression and interpretation of negation in Avar

Павел Руднев

In this talk, I discuss two strategies of expressing sentential negation in Avar. I argue that the restrictions on the expression and interpretation of negation can be accounted for in a framework postulating an ontological distinction between (sets of) events and (sets of) situations as conceptual underpinnings of the hierarchy of functional projections. In particular, I propose that two negation strategies coexist in Avar: a monoclausal one, familiar from better-studied languages, operates on non-past tense clauses, and the predicative one where the negation marker is essentially a copula which combines with a nominalised clause, expresses negation in the past tense.

Ольга Культепина

Коллокационные характеристики слова в выдаче RuSkELL

В сообщении будет рассказано о работе над корпусным инструментом RuSkELL, который был создан на базе русского корпуса Russian Web 2011 (ruTenTen11) в Sketch Engine и адаптирован для студенческой пользовательской аудитории. В процессе изменения скетч-грамматики и интерфейса ресурса основными опорными пунктами стали сохранение максимального разнообразия релевантных коллокаций в "Сочетаемости слова" (ворд-скетчах) и одновременный отказ от информационной перегрузки непрофессионального пользователя. В результате RuSkELL получил богатый список сочетаемости для частей речи, что может быть полезно для использования в преподавании русского языка и для исследования лексики русского языка.

Иван Стенин

Мокшанский пассив: к типологии модального пассива

В мокшанском языке существует показатель пассива, многофункциональность которого отмечалась практически во всех грамматических описаниях, в том числе самых ранних. Данный показатель присоединяется как к переходным, так и к непереходным глаголам и выражает не только залоговые преобразования, но и определённые модальные значения, поэтому материал мокшанского языка представляет интерес для типологии модального пассива. В докладе будут рассмотрены основные употребления суффикса -эв- / -и- в центральном диалекте мокшанского языка (говорах с. Лесное Цибаево, с. Лесное Ардашево и д. Лесные Сиялы Темниковского района Республики Мордовия).

К вопросу о параметрах определенности (на материале финно-угорских языков)
Светлана Толдова

Доклад посвящен кодированию определенности в мокша-мордовском языке. В мордовских языках существует серия именных аффиксов, которые описываются в традиционных грамматиках как маркеры определенного именного склонения. На первый взгляд, эти маркеры действительно появляются в контекстах, ассоциированных с категорией определенности: например, для кодирования уникальных или ранее упомянутых референтов. Классическое представление об определенных дескрипциях, принятое в логике, базируется на том, что такие дескрипции содержат пресуппозицию существования и единственности. Однако многочисленные исследования как различных контекстов употребления артикля в английском языке, так и данных других языков, а также других феноменов (например, дифференцированного кодирования прямого дополнения), так или иначе связанных с кодированием референциальных характеристик именной группы, показали, что требование единственности ("экзистивности") может нарушаться. Иными словами, то множество феноменов, которое мы привыкли связывать с "определенностью", складывается из разных "ингредиентов" (ср., например, обсуждение в Сердобольская, Н.В., Кодирование единичности и известности прямого дополнения в бесермянском диалекте удмуртского языка. Родной язык: лингвистический журнал, (1), 2016, pp. 21-53.). Еще одной «загадкой» для теории определенности является тот факт, что в целом ряде языков, включая ряд финно-угорских языков, роль показателя определенности может выполнять посессивный показатель третьего лица. Возникает вопрос, каким образом взаимодействуют в языках категории определенности и посессивности, какие «ингредиенты» определенности/посессивности способствуют расширению свойств посессивных показателей в сторону маркеров определенности. Доклад будет посвящен рассмотрению различных аспектов определенности на материале мокшанского языка, также будет привлекаться материал некоторых финно-угорских языков, в которых посессивный показатель может брать на себя непосессивные функции.

Научный семинар Школы лингвистики НИУ ВШЭ

с участием лингвистической лаборатории по корпусным
технологиям и лаборатории языков Кавказа

Юлия Еделева

аспирантка Мюнстерского университета

Валерия Демарева

аспирантка ННГУ

Subject and Object Relative Clauses in Child Language: An Eye-Tracking Study of French, German and Russian

The talk will revisit the well-known phenomenon of Subject/Object Asymmetry in relative clause processing whereby ORCs cause greater processing difficulty than their subject extracted counterparts. However, the subject advantage is not equally pronounced in different languages. We will discuss the results of three visual word experiments where we tracked the eye movements of Russian, German and French children while they were exposed to a subject relative clause (*"Where is the cat that is feeding the hedgehog?"*) compared to an object relative clause (*"Where is the cat that the hedgehog is feeding?"*) in their native language. In French and Russian, the possible word order variations (NP-V or V-NP) additionally were contrasted.

Questions with relative clauses were presented audially. While listening to a question, participants could see a visual display with the referents mentioned in this question, as in Figure 1. On the next display, one of the referents was presented again. With the pre-programmed "yes / no" keys, the subjects were asked to answer whether this was the referent implied by the question. Response accuracy and reaction times were measured.

In general, eye movements were more consistent for SRCs than for ORCs. However, the subject preference pronounced itself differently in the three languages. While French speakers took significantly longer to divert their attention to the intended referent, Russian speakers needed more time to disengage from the syntactic competitor in the ORC condition.

The crucial finding of the study was an increase in the proportion of looks towards the middle referent (the hedgehog) in French and Russian ORCs starting at the RC verb and into the RC offset. Arguably, while processing complex structures the parser does not always operate on a complex unit such as the whole relative clause, but on its integral parts (*the hedgehog is feeding*). Since no such tendency was witnessed for the SRC, we will conclude that, to be eligible for lower-level analysis, the segment needs to be locally coherent and constitute a well-formed unit of a language.

The proportion of looks towards the middle referent remained low for either relative clause type in German. A marginally significant increase at the RC offset in ORCs is indicative of the parser's sensitivity to local coherence. Supposedly, constructing a relative clause representation in real time, the parser resorts to different processing strategies individually and in different languages. French and Russian native speakers seem to be assembling a relative clause from less complex locally coherent constructions (e.g. a subject-verb unit "*ezh, vozmozhno, pokormit*") in a bottom-up fashion. By contrast, a German native speaker makes extensive use of their top-down knowledge of subordinate clauses (e.g. the V-NP word order) and activates an empty fully-fledged representation of a relative clause, which is filled with the upcoming input.

In the final part of the talk, we will discuss how the study of relative clause processing can provide insight into the strategies that learners employ to bootstrap complex syntax in the languages they acquire. How do strategies change over time during language acquisition with growing proficiency? Can a commitment to different strategies explain the differences in learner performance within a single language pair (Russian-French; French-Russian)?

Figure 1.

Старая Басманная 21/4,
аудитория 518
6 октября (пятница) в 10:30

Сайт семинара:
ling.hse.ru/SciSeminar

Георгий Мороз WCAD: звуковые изменения и проблемы выборки языков

В рамках доклада я представлю базу данных изменений согласных звуков

(WCAD), расскажу о ходе работы над ней, а также о первых закономерностях, которые база демонстрирует уже сейчас. Как решить,

что тот или иной языковой признак является типологически редким или

частым? В связи с особым устройством базы данных WCAD, вторая часть

доклада будет посвящена проблеме языковых выборок. Я перескажу

основные работы, посвященные лингвистическим выборкам, и предложу свой

алгоритм, позволяющий отвечать на данный вопрос, учитывая внутрегенетическую типологию.

Анна Волкова "Синтаксическая структура причастных оборотов в луговом марийском языке".

Доклад посвящен причастным оборотам с выраженным субъектом в луговом марийском языке. Обычно считается, что причастные относительные предложения (ОП) имеют менее выраженную, «усеченную» синтаксическую структуру по сравнению с обычными относительными предложениями (Burzio 1981, Chomsky 1981, Hazout 2001, Siloni 1995, Stowell 1981). Причастные ОП часто анализируются как структуры уровня VP, вложенные в номинализирующий узел (Doron & Reintges 2005, Hazout 2001, Siloni 1995). С этой точки зрения, луговой марийский предоставляет интересный материал для изучения, поскольку две из четырех возможных причастных форм (пассивное причастие на -ме и отрицательное причастие на -dəme) допускают выражение субъекта внутри причастного оборота, что свидетельствует о более сложной структуре нефинитной клаузы. Субъект причастных оборотов на -ме и -dəme может быть выражен одним из следующих способов (или их комбинацией, Kangasmaa-Minn 1970): (i) посессивным показателем на вершинном имени; (ii) именем в генитиве; (iii) именем в номинативе. В докладе рассматриваются различные факторы, которые могут влиять на кодирование субъекта, и высказывается гипотеза о синтаксической структуре причастных ОП.

Ольга Ляшевская и Франсис Таерз

"Is it really that much effort? A quantitative investigation of word order typology based on Universal Dependencies data".

We present some ongoing research into the typology of word order from a quantitative perspective. We take as a starting point a number of Greenberg's universals mostly relating to NP-internal word order and investigate their behaviour in the annotated treebanks of the Universal Dependencies project. We provide some descriptive statistics on the data, look at some proposed explanations in the literature for them and determine to what extent our data support these explanations.

Михаил Даниэль. Тема — "Возвращение блудного сына: маркированный эссив в даргинских языках".

Аннотация:

В докладе я рассматриваю типологически необычную ситуацию с выражением статического положения объекта по отношению к ориентиру в даргинской ветви нахско-дагестанской семьи. Согласно традиционному анализу, в даргинских языках форма эссива (положение в области пространства) образуется прибавлением согласовательного суффикса к форме латива (движение в область пространства). Это типологически неожиданно. Действительно, положение в пространстве представляется концептуально более простым или, по крайней мере, не более сложным смыслом, чем движение. В языках мира кодирование движения нередко производно от кодирования положения - но не наоборот. Объяснение, которое я предлагаю для данного фрагмента даргинской именной морфологии, опирается на различие кодирования и индексирования как морфологических механизмов существенно разной природы. Согласно этому анализу, даргинские формы эссива не образуются от форм латива добавлением морфологического материала, а отличаются от них морфосинтаксическим признаком - наличием согласовательного слота. Я также предпринимаю предварительную попытку дать функциональное объяснение этой морфологической конфигурации. Для этого я сравниваю оформление локативных зависимых глаголов размещения в пространстве в языках даргинской ветви с их оформлением в языках других ветвей той же семьи.

Александр Летучий "Одушевлённость: семантические основания, морфологические проявления, синтаксические ограничения"

В русском языке одушевлённость является морфологической категорией: различаются «одушевлённый» и «неодушевлённый» варианты аккузатива (*Я увидел слона*, но *Я увидел стол*). Часто в центре рассмотрения при анализе одушевлённости находятся морфология (типы склонения, где наблюдается различие) и семантика (соотношение морфологической одушевлённости с семантической).

В докладе будет показано, что с одушевлённостью связаны и интересные синтаксические ограничения и противопоставления. Они не сводятся только к согласованию прилагательных с существительными по одушевлённости, которое изучалось, например, Н.А. Еськовой и И.Б. Иткиным – аналогичные явления наблюдаются в сочетаниях нескольких существительных или местоимений. Это ясно и из текстового материала, и из результатов проведённых опросов.

Так, материал Интернета показывает, что при переспросе, касающемся референта анафорического местоимения *его*, легко употребляется местоимение *кого* (- *А ты его спрашивал?* – *Кого «его»?*). Однако местоимение *что* звучит хуже и используется в этих контекстах реже (- *А ты его купил?* – *Что «его»?*).

Опросы показывают, что сочетания неодушевлённых имён собственных (например, названий команд: «*Спартак*», «*Зенит*») с одушевлёнными функциональными именами (*лидер*, *чемпион*, *финалист*) в некоторых случаях звучат сомнительно (?*Он перешёл в «Спартак» - лидера / лидер первенства*). При этом модификация контекста улучшает оценки (ср. *Он перешёл в «Спартак» - один из лидеров первенства*).

В связи с этими данными будут поставлены такие вопросы:

- 1) Можно ли свести наблюдаемые синтаксические ограничения к одному общему?
- 2) Являются ли эти ограничения строгими правилами, обусловленными структурно, или это тенденции, в которых существенную роль играет прагматика?
- 3) Почему модификации контекста, например, добавление

кванторной группы *один из*, могут изменять приемлемость предложений?

- 4) Какие ещё эксперименты целесообразно провести в области одушевлённости?